

ности. Этот термин — «валентность» и его мы будем применять уже не просто к человеческому сознанию, но именно к человеческому мышлению, т. е. к языку как специфической обработке и переработке действительности.

4. Интерпретативно-смысловая валентность

В других наших работах мы уже не раз говорили об и н т е р п р е т и р у ю щ и х функциях языка [см. 1—4]. Мы этим хотели сказать, что отражение действительности в человеческом сознании не является механическим отражением, не является буквальным воспроизведением воспринимаемого или предполагаемого предмета. Человеческое отражение действительности по преимуществу является т в о р ч е с к и м отражением. Если какой-нибудь предмет попал в человеческое сознание, то он тут же вступает в область вечно подвижного человеческого сознания, мышления и вообще всякого переживания. А кроме того, в результате этой субъективной обработки объективно существующей или объективно предполагаемой действительности в субъекте возникает тот творческий продукт, который тут же стремится опять вернуться к действительности, но уже к действительности не просто хаотически тягучей, но к действительности, получающей ту или иную творческую переработку и способной переделываться согласно тем или иным общественно-личным принципам.

Всю эту творческую стихию мышления, отражающего действительность, мы называли интерпретацией действительности и потому находили в языке в качестве самых главных именно интерпретирующие функции. Поэтому когда мы выше сказали о смысловой валентности языка, то мы имели в виду, во-первых, чисто человеческую смысловую валентность, а во-вторых, в связи с этим и творчески-человеческую валентность, интерпретирующе-смысловую валентность, т. е. мыслительную, абстрактно пережитую, но в то же самое время готовую перейти к практике, к ее фактическому осуществлению, к переделыванию той самой действительности, отражением которой она была вначале.

В связи с этим будет точнее говорить не просто о смысловой валентности языка. Повторяем: все, что существует, всегда есть нечто, т. е. всегда обладает какой-то идеей или каким-нибудь смыслом, и потому в широком смысле всякий предмет вообще и всякая его динамическая валентность всегда будет так или иначе смысловой. С этой точки зрения каждое слово не есть просто отражение действительности, но то или иное ее мыслительное п о н и м а н и е. Всякий предмет, живя и развиваясь, получает бесчисленное количество разных смысловых оттенков, и его валентность тоже смысловая, поскольку каждый момент такой валентности отличается от всех других моментов и всегда что-нибудь значит. Поэтому, чтобы не было недоразумения, в настоящем месте нашей работы слово «смысловой» обязательно надо снабжать каким-нибудь более специфическим определением.

Можно было бы говорить об отражательно-смысловой валентности. Но и этого мало, поскольку термин «отражение» часто понимается слишком элементарно и слишком механистически — как буквальное отражение, не получающее ничего нового от той среды, в которой оно осуществилось, т. е. независимо от человеческого мышления. Необходимо указывать, что это отражение обязательно творческое, обязательно анализирующее и обязательно перерабатывающее всякую отраженную предметность, обязательно также и мыслительное. Поэтому при самом минимальном учете специфики языка необходимо говорить не только о смысловой, но об и н т е р п р е т и р у ю щ е-смысловой валентности или об и н т е р п р е т а т и в н о-смысловой валентности, выдвигая на первый план именно мыслительные стороны языка.

Приветствие при расставании древний грек обозначал словом *chaire* («радуйся»), древний римлянин — словом *vale* («будь здоров», «будь силен», «будь крепок»), русский — «прощай» (т. е. «простить»); кроме того, рус-